

ИСТОРИЯ И ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА

Научная статья

С. 8–14

УДК 343.85

DOI: 10.47475/2311-696X-2024-40-1-8-14

**ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА:
НАУЧНЫЕ ПОЗИЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ****Петр Николаевич Кобец***Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия**pkobets37@rambler.ru* <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Аннотация. Процессы всеобщей цифровизации, затрагивают все сферы человеческой жизнедеятельности, в том числе и правовую. Они не оставили без внимания существующие правовые категории и явления, а также подтолкнули правоведов к ведению широких дискуссий касательно природы субъектов права. И сегодня на страницах научных изданий все чаще встречается обсуждение вопросов правоспособности робототехники, основанной на новых технологиях. Причем вопреки тому, что в современном цифровом обществе рассматриваемые технологии активно выполняют различные задачи, их правовой статус так окончательно и не определен. Между тем проблематика по возможному наделению искусственного интеллекта правоспособностью представляется в данный момент наиболее дискуссионной среди представителей правовой науки. Однако, даже несмотря на неутраченные споры среди ученых и правоведов на эту тему ведутся очень активно, вопросы правоспособности рассматриваемых технологий остаются открытыми. Одной группой ученых высказывается позиция о невозможности наделения рассматриваемых технических устройств правоспособностью ввиду несамостоятельности их поведения и волеизъявления. По мнению другой, возможность присвоения ей статуса субъекта возложит на нее ряд мер ответственности за собственную деятельность, сделав более прозрачными правоотношения с ее участием. Еще одни исследователи уверены в том, что в настоящее время не представляется возможным наделение робототехники правосубъектностью вследствие недостаточного для этого развития сквозных цифровых технологий, поэтому рассматриваемые устройства попросту не могут выступать в качестве автономных субъектов правоотношений. Автором делаются выводы о том, что прежде чем наделить новые технологии правосубъектностью следует на основе комплексного научного исследования проработать вопрос возможности законодательного определения рамок их правосубъектности. В дальнейшей перспективе, с изобретением совершенно самостоятельных технологий, проблематику необходимости легитимности их статуса возможно будет актуализировать, а пока что уровень технических характеристик данных технологий далек от алгоритмов, позволяющих их сравнивать с разумными существами. Именно по этим причинам пока что рано актуализировать деятельность по правовому статусу данных технологий.

Ключевые слова: научный прогресс, новые технологии, законодательные основы, искусственный интеллект, цифровизация, нормотворческая деятельность, робототехника, научная работа, правоспособность, юридическая ответственность, юридическое лицо, электронное лицо, правовые категории.

Для цитирования: Кобец П. Н. Правосубъектность технологий искусственного интеллекта: научные позиции исследователей и перспективы совершенствования // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 8–14. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-40-1-8-14

Research article

LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES: SCIENTIFIC POSITIONS OF RESEARCHERS AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

Petr N. Kobets*National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia**pkobets37@rambler.ru* <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Abstract. The processes of universal digitalization affect all spheres of human life, including legal. They did not ignore existing legal categories and phenomena, and also pushed legal scholars to conduct broad discussions regarding the nature of subjects of law. And today, on the pages of scientific publications, there is increasingly a discussion of issues of the legal capacity of robotics based on new technologies. Moreover, the question is that in modern digital society the technologies under consideration actively perform different tasks, their legal status has not yet been finally determined. Meanwhile, the issue of possible endowment of artificial intelligence with legal capacity seems to be the most controversial at the moment among representatives of legal science. However, even though ongoing debates among scientists and legal scholars on this topic are very active, questions of the legal capacity of the technologies in question remain open. One group of scientists expresses the position that it is impossible to endow the technical devices in question with legal capacity due to the lack of independence of their behavior and expression of will. According to another, the possibility of assigning her the status of a subject will impose on her a number of measures of responsibility for her own activities, making legal relations with her participation more transparent. Other researchers are confident that at present it is not possible to give robotics legal personality due to the insufficient development of end-to-end digital technologies for this; therefore the devices in question simply cannot act as autonomous subjects of legal relations. The author draws conclusions that before granting new technologies legal personality, it is necessary, on the basis of comprehensive scientific research, to study the issue of the possibility of legislatively defining the scope of their legal personality. In the future, with the invention of completely independent technologies, it will be possible to update the issue of the need for the legitimacy of their status, but for now the level of technical characteristics of these technologies is far from algorithms that allow them to be compared with intelligent beings. It is for these reasons that it is too early to update activities on the legal status of these technologies.

Keywords: scientific progress, new technologies, legislative framework, artificial intelligence, digitalization, rule-making activities, robotics, scientific work, legal capacity, legal liability, legal entity, electronic entity, legal categories.

For citation: Kobets PN. Legal personality of artificial intelligence technologies: scientific positions of researchers and prospects for improvement. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(1):8-14. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-40-1-8-14 (In Russ.)

Введение

Источники юридической литературы дают чаще всего различное толкование понятию искусственного интеллекта, при этом, как правило, подчеркивая основные признаки исследуемых технологий, и в первую очередь именно то, что они являются технологическим продуктом, а также аппаратно-программной системой способной быстро самообучаться, а также самостоятельно принимать различные решения [14, с. 98]. Кроме того, важнейшим из признаков данных технологий, который отмечается большинством исследователей, является возможность и умение самопознания [20, с. 95]. Также немаловажно отметить, что основную инструментальную роль технологиям искусственного интеллекта, ученые отводят для имитирования когнитивных человеческих способностей, при

этом он не должен быть заменой человека, а только помогать ему осваивать окружающую действительность. Между тем стремительное развитие робототехники, основанной на новых технологиях, приводит к тому, что ею не только имитируются качества людей, но она может выполнять немало задач и действий, причем не как тех, которые были запрограммированы человеком, но также и в результате автономных решений.

И поскольку современная робототехника в большинстве своем функционирует на основе программного алгоритма, вполне возможно предположить вероятность незапланированных человеком результатов ее деятельности. Исходя из вышеизложенного проблематика, связанная с возможностью наделения или не наделения рассматриваемых технологий правосубъектностью не является

беспредметной, а наоборот становится обязательной и неотложной необходимостью [12, с. 34]. Именно по этой причине отечественные и зарубежные ученые-юристы в рамках исследования наиболее проблемных и требующих скорейшего разрешения вопросов, все чаще обращаются к тематике связанной с возможностью влияния технологий в сфере искусственного интеллекта на развитие современного права, в том числе не только на его содержательную часть и форму, но также и институциональные проявления [9, с. 122]. В то же время место самого права в процессе технического развития общественных отношений также видится многим ученым, как чрезвычайно актуальная проблема для проведения исследования.

Однако необходимо иметь в виду, что важной или даже можно сказать центральной ключевой юридической категорией, благодаря которой представляется возможным изучение обозначенного вопроса, является правосубъектность. Поскольку именно посредством наделяния правосубъектностью — возможностями выступать в качестве субъекта правовых отношений, приобретением и реализацией субъективных прав и обязанностей — и осуществляется приобщение к правопорядку, включая полномочия на участие в различных правоотношениях, получение конвертных прав и обязанностей с возможностью их реализации и др. [15, с. 46].

Постановка проблемы

В то время как кибернетики заняты совершенствованием технологий искусственного интеллекта, правоведы все активнее ведут дискуссии о необходимости, либо невозможности наделяния устройств оснащенным новыми технологиями правосубъектностью и даже самостоятельными видами юридической ответственности. Возникшие некоторое время назад новых технологий с одной стороны вызвало в отечественном законодательном пространстве определенный правовой вакуум, а с другой вызвало дискуссии обосновывающие, либо опровергающие необходимость в полном объеме разработать требуемые правовые механизмы, связанные с правосубъектностью данных технологий. Именно в этой связи проблематика по возможности наделянию, либо не наделянию искусственного интеллекта правоспособностью представляется в данный момент наиболее дискуссионной среди представителей правовой науки. И, несмотря на то, что неутраченные споры среди ученых и правоведов на эту тему ведутся очень активно, вопросы правоспособности рассматриваемых технологий остаются открытыми.

Между тем, анализ серьезного массива источников юридической литературы по рассматриваемым вопросам позволяет автору утверждать о том, что многие из юристов и практиков высказываются

о необходимости научной проработки всех возможностей, которые впоследствии позволят поставить точку в данном вопросе и наделить, или не наделить рассматриваемые технологии особым статусом [19, с. 202].

Несмотря на то, что обсуждаемые в данной исследовательском проекте вопросы стали возникать не так давно, они обрели особую популярность у научного сообщества, лучшие представители которого стремятся высказать собственную позицию касательно этой немаловажной проблемы. Так, в частности, освещаемую автором в предложенном исследовании проблематику частично анализировали в своих научных работах В. В. Архипов, Ю. С. Бахтеев, И. Р. Бегишев, Е. В. Березовская, Е. Д. Борулева, П. С. Бусыгина, А. П. Васильев, Е. А. Гришин, Р. И. Дремлюга, О. А. Дремлюга, Ю. В. Забайкин, А. Г. Зайцев, Д. Д. Зубцов, А. М. Игитов, Г. Г. Камалова, Д. А. Казанцев, Д. В. Кирпичников, А. В. Кокин, В. В. Коленцова, А. В. Краснов, О. М. Куницкая, А. Х. Кунаев, В. А. Лаптев, Э. Ю. Латыпова, М. В. Лебедев, Т. М. Лопатина, Д. А. Лунькин, В. Д. Матерова, Д. А. Матанцев, А. В. Минбалеев, Н. В. Мишина, П. М. Морхат, В. Б. Наумов, П. В. Несмачная, А. В. Незнамов, С. В. Никитенко, И. С. Павлов, Т. А. Полякова, А. Д. Померанец, Е. В. Пономарева, Э. М. Пройдаков, Г. А. Решетникова, И. Н. Романова, Е. А. Рыжкова, Е. К. Рыжкова, В. Н. Ручкин, А. Л. Савенок, М. А. Сапожникова, А. В. Серебренникова, Б. В. Сидорова, А. В. Скоробогатов, Д. В. Смолин, А. В. Степанова, Н. И. Турлыгин, И. А. Филипова, В. А. Фулин, Ю. С. Харитоновна, В. В. Хилjuta, В. В. Хорольский, М. Р. Хусинова, М. К. Цырульников, С. С. Чекулаев, А. В. Шилейко, Е. П. Шилкина и др.

Между тем принципиально важно подчеркнуть, что пока что лишь отдельные и немногие положения научных разработок по обсуждаемому вопросу получают свое воплощение в отечественной законодательной практике. Соответственно, именно в виду этого автором были проанализированы самые современные и наиболее актуальные научные позиции, и научно-исследовательские подходы ведущих отечественных и зарубежных специалистов по вопросу необходимости совершенствования законодательства, связанного с правосубъектностью технологий искусственного интеллекта.

Описание исследования

Источники юридической литературы содержат немало научных рассуждений о том, каким образом соотносятся понятия правоспособность, дееспособность, правосубъектность. Автор солидарен с позицией многих отечественных правоведов исходящих из довольно устоявшегося научного воззрения о том, что правосубъектность есть интегральная категория, которая охватывает правоспособность, дееспособность, а также деликтоспособность [18, с. 55]. В то же время немаловажно,

чтобы правосубъектность рассматривалась на двух уровнях бытия — абстрактном и конкретном. Тогда как на абстрактном уровне правоспособность будет отражать возможности являться участниками правопорядка, а на конкретном обеспечивать участие рассматриваемых субъектов в разного рода правоотношениях [4, с. 104].

Примечательно, что отдельные эксперты отмечают, что «те качества, которыми может обладать робототехника с искусственным интеллектом, свидетельствует о наличии у нее свойств правосубъектного лица, в том числе свойств, напрямую определяющих возможности быть носителями правосубъектности, и свойств, опосредующих способность проявления ими правового поведения» [6, с. 47]. В частности, «способность распознавать и оценивать окружающую среду, квалифицировать обстоятельства; способность выбирать вариант поведения, принимать решения и реализовывать их самостоятельно, без внешнего контроля или воздействия (автономность); способность действовать в условиях изменчивости внешних воздействий (адаптивность) способность к самообучению и самоорганизации; способность инициировать и совершать юридически значимые действия, как с согласия человека, так и самостоятельно» [3, с. 16]. Именно поэтому данная группа экспертов полностью уверена в том, что юридическому сообществу следует незамедлительно приступить к обсуждению проблем, связанных с правосубъектностью робототехники чтобы как можно раньше и современно провести законодательное закрепление ее правового статуса в отечественном правовой доктрине.

В этой связи ряд правоведов русскоязычного правового пространства рассуждают о необходимости отнесения робототехники, использующей технологии искусственного интеллекта к юридическим лицам, тогда как, еще одна часть предлагает их отнести к электронным лицам — это пока что не имеющий законодательной основы, и соответственно не нашедший своего отражения в правовой доктрине институт. При этом отдельной частью специалистов высказывается уверенность в том, что одним из предпочтительных, наилучших и оптимальных решений, «связанных с законодательным оформлением правосубъектности рассматриваемой робототехники, является создание правовой фикции по аналогии с юридическим лицом, поскольку в дореволюционный период физические и юридические лица рассматривались в качестве субъектов права, как производные от людей, а правоведами того времени отмечалось, что юридические лица есть не что иное, как продолжение и произведение индивидуальных личностей, и уважение к этим последним требует признания того, что составляет их юридическую эманацию» [1, с. 235].

Важно также отметить, что, по мнению ряда правоведов, понимание субъектов права является некоторым условным техническим понятием применимым к юридическим лицам [2, с. 421]. Между тем, часть исследователей полагают, что рассматриваемая робототехника обладает всеми характеристиками автономности, и может иметь возможность приобретения прав юридических лиц и соответственно наделяния правоспособностью, но с момента осуществления ее государственной регистрации, и внесении об этом записей в государственном реестре.

Как полагают зарубежные эксперты, относя робототехнику к юридическим лицам, сразу же возникают проблемы ее ухода от мер гражданской ответственности [13, р. 152]. Кроме того, довольно некорректно проводить антологию рассматриваемых технологий и юридических лиц, потому как за деятельностью юридических лиц, как правило, стоят физические, ими, в частности, вырабатывается единая воля. В свою очередь, при подобном подходе законодателям придется робототехнику наделять аналогичными правами и обязанностями, которыми обладают юридические лица, которые в существенной мере являются ограниченными, что, в свою очередь, также ограничит и возможности продукции использующей технологии искусственного интеллекта. И самое главное, не сложно предположить, что придание робототехнике, использующей технологии искусственного интеллекта, статуса юридического лица может негативно повлиять на сам этот институт, его обычаи, деловой оборот, а также другие аспекты, тем самым оказав негативное воздействие на всю государственную правовую систему.

По мнению отечественных экспертов, необходимость законодательного введения и дальнейшей регламентации электронных лиц в современную правовую систему главным образом вызвана необходимостью самими специфическими особенностями новых субъектов права — продукции, использующей для своей работы новые технологии. Кроме того, при подобном подходе и при таких условиях правоведам гораздо проще будет определять направления своей деятельности, когда им необходимо будет иметь дело с электронными лицами, робототехникой и технологиями по искусственному интеллекту [21, с. 42]. Немаловажным обстоятельством, обуславливающим введение электронных лиц, является и то, что, по мнению экспертов, понятие искусственного интеллекта является их базовой составляющей. В этой связи более полное интерпретирование критериев, определяющих искусственный интеллект, составляет основу по успешному выделению электронных лиц, как полноценных субъектов правоотношений [10, с. 34].

Немаловажно и то, что собственное видение дальнейшего развития статуса электронных лиц

есть практически у большинства отечественных правоведов, активно развивающих в российской правовой науке подобные идеи. Так, в частности, по мнению некоторых из них рассматриваемые технологии должны обладать как правами, так и обязанностями. Цель, согласно которой они должны быть наделены правоспособностью, направлена на то, чтобы способствовать наступлению определенных правовых последствий в результате их деятельности. Собственно, как отмечают отечественные правоведы «не будет утрачена научная идентичность и востребованность в качестве методологического основания, созданный в течение многовекового развития правовой науки юридический концепт действительности — юридическая личность, в научной среде именуемая феноменом электронное лицо» [16, с. 65].

Как отмечают некоторые из экспертов, преимущественными сторонами разработки и принятия законодательных положений, касающихся введения электронных лиц, могут выступать, возможности их трансформации под действующие правовые институты безо всякого ущерба для них. Данная точка зрения является совершенно новой. И она в дальнейшем имеет право на жизнь, поскольку совершенно очевидно, что с динамичным развитием цифрового общества в далеком будущем электронные лица, наверно, могут обладать субъективными правами и обязанностями, и в том числе, вне всякого сомнения, также выступать в качестве новых субъектов правоотношений, также как физические и юридические лица. В дальнейшем возможна разработка нового правового регулирования электронных лиц, для этого необходимо будет обязательно прописать в нормах гражданского законодательства их права и обязанности, а также непременно и вопросы, связанные с ответственностью.

При этом совершенно очевидно, что введение дополнительных составных элементов в хорошо отлаженный и эффективно функционирующий правовой механизм значительно труднее, нежели, чем разрабатывать совершенно новые институты, которые будут осуществлять взаимодействие с ранее созданными. В то же время необходимо учитывать и то, что, вводя новые институты необходимо также их постоянно дорабатывать, именно поэтому внедрение новой конструкции — электронных лиц в отечественную правовую систему приведет к необходимости решения ряда вопросов, основанных на существенном мониторинге действующих правовых основ. И это будет объемная и трудоемкая работа, требующая системного анализа и последующей редакции.

Одновременно с этим становится совершенно понятно, что современные юридические характеристики искусственного интеллекта не могут вписываться в имеющую место быть модель

правоспособности, поэтому логично бы было рассматривать эти технологии в качестве квазисубъектов права [5, с. 24]. Таким образом, технологии искусственного интеллекта не могут иметь общую правосубъектность, а только ограниченную законодательными мерами специальную правоспособность и деликтоспособность.

Кроме того, по мнению еще одной группы российских исследователей «наделение искусственного интеллекта правосубъектностью и присвоение ему статуса лица не является злободневной проблемой» [17, с. 82], потому что на нынешней стадии развития данного феномена его функционирование полностью связано с владельцами и производителями данных технологий. Именно по этой причине большинство юристов, высказавшихся по данному вопросу солидарны в том, что на сегодняшний день уровень развития новых технологий не может позволить говорить о робототехнике, исключительно как о самостоятельно действующей интеллектуальной системе. И именно по этой причине, как полагает автор, данная позиция отечественных экспертов достойна особого влияния.

Кроме того, российскими специалистами также отмечается, что в настоящее время, как правило, технологический функционал технологий искусственного интеллекта является существенно ограниченным в связи с заложенными в него техническими параметрами разработчиками данных программ и в этой связи говорить о правосубъектности таких технологий пока вообще не следует. Причем подобная точка зрения устраивает довольно большую группу исследователей, и также имеет право на существование [8, с. 385].

Детальный анализ различных подходов по данной проблеме свидетельствует о том, что совершенно очевидно, что прежде чем наделить рассматриваемые технологии правосубъектностью следует на основе комплексного научного исследования проработать вопрос возможности законодательного определения рамок их правосубъектности [11, с. 115]. В том числе возможно исследовать необходимость внесения в гражданское законодательство Российской Федерации посредством добавления еще одного вида юридического лица, а именно искусственного интеллекта и его разработчиков. И тогда носителями прав будут технологии искусственного интеллекта вместе с их разработчиками, и уже после подобного подхода, точно ни у кого не будут возникать никаких вопросов по поводу авторских прав на продукты, которые смогут появиться в процессе творческой деятельности новых технологий, к примеру, на литературные и художественные произведения, а также живопись и др. [7, с. 65].

А вот меры ответственности в случае нарушения правоотношений данными технологиями логично возложить на их владельцев, арендаторов,

операторов и др., всех тех лиц, которые должны осуществлять контроль за деятельностью продуктов, оснащенных технологиями искусственного интеллекта. При этом разработчиков и производителей подобного продукта в случае сбоев в его работе необходимо законодательно обязать внести необходимые изменения в его программное обеспечение, либо же предложить запретить ее дальнейшее использование.

Заключение

Краткий научный анализ научных подходов отечественных и зарубежных экспертов к проблематике, связанной с определением правосубъектности робототехники использующей технологии искусственного интеллекта свидетельствует о том, что данный вопрос в правовой науке пока что остается открытым. Одной группой правоведов высказывается позиция о возможности наделения рассматриваемых технических устройств правоспособностью ввиду самостоятельности их поведения и волеизъявления. По мнению другой, возможность присвоения робототехнике статуса субъекта возложит на нее ряд мер ответственности за собственную деятельность, сделав более прозрачными правоотношения с ее участием. Третья группа исследователей уверена в том, что в настоящее время не представляется возможным наделение

робототехники правосубъектностью вследствие недостаточного для этого развития сквозных цифровых технологий, поэтому рассматриваемые устройства попросту не могут выступать в качестве автономных субъектов правоотношений.

Между тем в перспективе с развитием научно-технического прогресса вне всякого сомнения положение дел в анализируемой сфере непременно изменится, и вот как раз именно с того момента робототехника и будет наделяться правосубъектностью. Автор является сторонником ученых — приверженцев третьей группы, поскольку в дальнейшем именно подобный подход в отечественной правовой доктрине сделает возможным проводить оценку правоприменительной практики с участием робототехники на основе системного подхода, и принимать обдуманные и взвешенные решения по вопросу правосубъектности робототехники. Однако, на сегодняшний день, вне всякого сомнения, уровень технических характеристик данных технологий далек от алгоритмов, позволяющих их сравнивать с разумными существами. В этой связи рассуждая о возможностях введения юридической ответственности за действия робототехники, использующей новые технологии, логично говорить не о существующих, а лишь перспективных разработках, которые в дальнейшем, возможно, смогут обладать правосубъектностью.

Список источников

1. Архипов С. И. Субъект права : теоретическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : специальность 12.00.01 / Архипов Сергей Иванович. Екатеринбург, 2005. 522 с.
2. Ананьев С. С. Правосубъектность искусственного интеллекта // XIV Машеровские чтения : материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Витебск, 21 октября 2020 года). Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2020. С. 420–422.
3. Болотаева О. С. Правосубъектность искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). С. 15–17. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_4_15
4. Габов А. В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (121). С. 105–122.
5. Гаджиев Г. А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 15–30. DOI: 10.12737/art_2018_1_2
6. Душкин Р. В. Искусственный интеллект. Агентство искусственного интеллекта. Москва : ДМК Пресс, 2019. 280 с.
7. Ирискина Е. Н., Беляков К. О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. № 10. С. 63–72. DOI: 10.17223/23046082/10/7
8. Камалова Г. Г. Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности в сфере применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2020. Т. 30, № 3. С. 382–388. DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-3-382-388
9. Кобец П. Н. Зарубежные и отечественные подходы к законодательному регулированию общественных отношений в сфере применения технологий искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (100). С. 119–126. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-4-119-126
10. Кобец П. Н. Искусственный интеллект: современные подходы по формированию понятийного аппарата и регулированию правоотношений в рассматриваемой сфере // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 5 (56). С. 30–37. DOI: 10.37523/SUI.2023.56.5.004
11. Кобец П. Н. Совершенствование правового регулирования в сфере использования технологий искусственного интеллекта // Философия права. 2023. № 3 (106). С. 112–118.

12. Косых А. А. Перспективы использования искусственного интеллекта в правовом регулировании общественных отношений // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 30–37.
13. Kakoudaki D. Anatomy of a Robot: Literature, Cinema, and the Cultural Work of Artificial Intelligence // New Brunswick: Rutgers University Press, 2014. 272 p.
14. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.2.79.102
15. Матанцев Д. А. Развитие правосубъектности в условиях научно-технического прогресса // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 41–50. DOI: 10.24412/2072-9391-2021-460-41-50
16. Морхат П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61–73. DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-61-73
17. Решетникова Г. А. Субъектность систем искусственного интеллекта: методологический аспект // Обеспечение информационной безопасности: вопросы теории и практики : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Ижевск, 29 мая 2023 года) / науч. редакторы Г. Г. Камалова, В. Г. Ившин, Г. А. Решетникова. Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2023. С. 78–88.
18. Шелютто М. Л. О юридическом признании изменения пола // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5 (66). С. 54–61. DOI: 10.12737/article_59bbac1ab9b566.75071663
19. Шестак В. А., Волеводз А. Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 2. С. 197–206. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).197-206
20. Щитова А. А. О потенциальной правоспособности искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2019. № 5 (173). С. 94–98.
21. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13, № 2. С. 36–55.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 24.01.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 20.02.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 28.02.2024.